

Будучи геєм, Нань Ши чувствовал себя в полном отчаянии.

Особенно когда Го Синсянь упёрся и решил принять душ.

— Я вообще-то гей! Ты можешь быть хоть немного осторожнее? — не выдержал Нань Ши, держа в руках душевую лейку. — Ты за свою задницу не боишься?

— Так в твоих глазах я сейчас — несравненная красавица? — Го Синсянь погрузился в горячую воду, чуть ли не с головой. — У тебя что, встал, пока ты смотришь, как я моюсь?

Он принял классическую позу бодибилдера, демонстрируя свои восемь кубиков пресса и V-образную линию торса.

— ...Много думать вредно для здоровья.

— Тогда всё в порядке, мастер Нань, будьте добры, потрите мне спинку! — заявил Го Синсянь. — И голову намойте два раза! Спасибо!

— Закройся! — в сердцах рявкнул Нань Ши, направляя струю воды ему на голову.

Возможно, благодаря тому, что Го Синсянь был заядлым посетителем спортзала, как только бессмертный сменил гнев на милость, его организм быстро пришёл в норму. После такой встряски он чувствовал себя бодрым и полным сил. Съев на ночной перекус лапшу быстрого приготовления с сосиской, он выглядел так, будто ничего и не было, и совершенно не походил на человека, который час назад горел в лихорадке.

Если бы Нань Ши сейчас вздумал с ним подраться, его бы, наверное, размазали по стенке. Так, что потом и не отскребёшь.

До рассвета оставалось ещё два часа, но спать никому не хотелось. Они сидели в гостиной и смотрели телевизор.

— Что ты обычно приносишь в дар своему крёстному? — спросил Нань Ши, ковыряя ногой пол.

— Свечи, фрукты, сладости, ну и благовония, — Го Синсянь, не отрывая взгляда от телевизора, вытащил из кармана пачку сигарет, закурил сам и протянул одну Нань Ши. — Будешь?

Во время лихорадки он был в полубреду, но отчётливо помнил бормотание Нань Ши и то, как после его слов давление, сдавливавшее его тело, внезапно исчезло. Это не было иллюзией.

Нань Ши взял сигарету, поджёг и медленно затянулся, наполняя лёгкие дымом. Вид Го Синсяня, чьё мировоззрение треснуло по швам, был ему до боли знаком.

— Так не пойдёт. У вас дома есть ритуальные деньги? Деньги заставляют и чертей работать, и бессмертных.

— Бессмертный же считается духом природы? — пробормотал Го Синсянь. — Разве ему нужны те же ритуальные деньги, что и призракам?

Нань Ши счёл его довод разумным, но, руководствуясь принципом «лучше перебить, чем недобдеть», ответил:

— Сжигать настоящие деньги незаконно... В общем, сожжём немного, главное — проявить усердие.

— Ладно, подожди, я поищу... — Го Синсянь принялся рыться в шкафах и крикнул оттуда: — У меня в чемодане есть сладости и фрукты, посмотри, подойдут?

Нань Ши, услышав это, пошёл к чемодану и открыл его. Увиденное заставило его подумать, что крёстный друга ещё очень добр, раз не прибил его на месте. Что же он привёз?

Сладости — булочки «Паньпань», булочки с заварным кремом «Таоли» и пирожные с яичным желтком.

Фрукты — консервированные жёлтые персики, консервированные груши и консервированные яблоки.

Ах да, банка с персиками была наполовину пуста. Нань Ши вспомнил, что тоже съел пару кусочков.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что у всех трёх видов выпечки срок годности подходит к концу.

— Дома нет ритуальных денег, что делать? — крикнул Го Синсянь, вытаскивая из шкафа пакет со свечами и благовониями.

— Подойди сюда... — Нань Ши потёр виски, чувствуя подступающую головную боль. — Ты это собирался своему крёстному подносить?

— А что? — Го Синсянь взглянул на содержимое чемодана. — Свежие сладости и фрукты неудобно везти и хранить. Вакуумная упаковка — самое то. После подношения их ведь всё равно есть нельзя, верно? В пепле и грязи всё. Выбрать то, что скоро испортится, — и

выбросить не жалко!

Подношения после ритуала можно есть! И даже считается, что они приносят благословение предков (или бессмертных)!

— ... — Нань Ши с отеческой нежностью погладил Го Синсяня по голове и ласково сказал: — Иди-ка ты, милый, поиграй с леденцом.

— В смысле?

— В том смысле, что твой крёстный так к тебе благосклонен, что, может, тебе стоит на нём жениться, — Нань Ши мысленно примерил ситуацию на себя. Если бы он осмелился поднести своему Старшему брату нечто подобное, то, скорее всего, в тот же день скоростижно скончался бы, а его душа была бы развеяна по ветру без остатка.

Го Синсянь посмотрел на него так, словно тот предложил нечто чудовищное:

— ...Нань Сяоши, с тобой что-то не так!

— Скоро четыре, — Нань Ши взглянул на небо за окном. — В вашей деревне есть кто-нибудь, кто рано встаёт? Спроси у них, может, у кого есть. Или, может, есть круглосуточная булочная? Купи две мясные булочки, это будет надёжнее, чем твои запасы. Хотя, — добавил он, опасаясь, что прямолинейный Го Синсянь купит ровно две, — давай так: я пойду за булочками, а ты — за ритуальными деньгами и фруктами. Встречаемся у въезда в деревню.

— Договорились. — Го Синсянь отправил ему две геолокации. К счастью, Линнань не была совсем уж глухой деревней, и всё необходимое там имелось, хоть и далеко. Нань Ши вызвал такси и поехал на утренний рынок. Там он увидел магазин ритуальных товаров и, дождавшись открытия, потратил целых триста юаней на огромный пакет разнообразных ритуальных денег. Хотел было купить ещё две бумажные фигурки служанок, но вспомнил слова Цин Хэ о том, что это вещь сомнительная, и передумал.

Когда рассвело, они с Го Синсянем встретились. Тот тоже тащил большой пакет с фруктами и ритуальными деньгами, а ещё несколько огромных пампушек, украшенных в центре красной точкой в виде цветка сливы — такие обычно готовят на свадьбу.

— У соседей родственники женятся, вот и напекли, — пояснил Го Синсянь. — Услышали, что я иду к Абрикосовому Бессмертному, и специально для меня украсили.

Го Синсянь также одолжил два электроскутера, что значительно облегчило им жизнь. Нань Ши сел сзади, обвешанный пакетами.

— Го-эр, езжай по тропинкам, а то на большой дороге нас полиция остановит и оштрафует, —

не забыл напомнить он.

— Да какая полиция в такую рань! — отмахнулся Го Синсянь. Проехав немного, Нань Ши увидел обнесённое красной стеной квадратное здание. В центре его возвышалось огромное дерево, усыпанное кроваво-красными цветами. От этого зрелища сердце невольно замерло.

К слову, на дворе стоял декабрь!

Первые лучи солнца робко пробивались из-за облаков, и их нежный золотистый свет озарял багряную крону, создавая картину тревожной, захватывающей дух красоты.

— Го-эр, у твоего крёстного цветы всегда так цветут? — сглотнув, спросил Нань Ши, не решаясь войти. — Сейчас же январь.

— Да, мой крё... отец всегда в январе цветёт, — ответил Го Синсянь, припарковав скутер и забирая у него пакеты. Он, казалось, привык к этому зрелищу. — Когда совсем рассветёт, будет ещё красивее. Ночью жутковато...

Не успел он договорить, как получил от Нань Ши локтем в грудь.

— Замолчи, ты у ворот его дома! Уважаемый бессмертный, ваши цветы... несравненны.

Го Синсянь промолчал. Он хотел было съязвить, что Нань Ши слишком труслив, но воспоминания о ночном происшествии заставили его прикусить язык.

Они вошли. Абрикосовое дерево было огромным, не меньше десяти метров в высоту. Его ствол был узловатым и перевитым лианами, одни из которых засохли, а другие всё ещё зеленели. Дерево было огорожено, а перед ним стоял огромный треножник для благовоний и алтарь. В треножнике виднелись остатки пепла и огарки благовоний — очевидно, сюда часто приходили молиться.

Нань Ши достал тарелки, выложил на них горкой фрукты и сладости, зажёл свечи и только потом потянул Го Синсяня совершать поклон. Он был щедр: после того, как Го Синсянь опустился на колени, он и сам встал рядом с ним на колени. Зажёл две палочки благовоний, одну отдал другу.

— Бессмертный Абрикосовый Цвет, приветствую вас. Я привёл... Сянь-эра, чтобы он извинился перед вами. Этот негодник не знает ни приличий, ни уважения. Прошу вас, простите его по молодости лет.

Нань Ши, вспомнив, как деревенские обращались к Го Синсяню, решил тоже использовать это прозвище, чтобы не оскорбить бессмертного совпадением имён.

— Я обязательно сообщу его родителям, чтобы они как следует его воспитали. — сказав это, он повернулся к Го Синсяню: — Чего застыл! Кланяйся, извиняйся!

Го Синсянь, за исключением того раза в детстве, когда его «усыновляли», ни разу не кланялся этому дереву. Он кое-как совершил три поклона и уже хотел было встать, чтобы воскурить благовония, но Нань Ши крепко схватил его за шею и заставил поклониться ещё шесть раз, доведя число до девяти — священного числа. Только после этого он позволил ему подняться и вставить благовония в треножник.

Го Синсянь, вставив благовония, принялся засовывать в треножник ритуальные деньги. Он несколько раз чиркнул зажигалкой, но бумага никак не загоралась. Оловянный край лишь медленно тлел красной полосой, но пламени не было. Он попробовал ещё несколько раз, но каждый раз, когда ему казалось, что бумага загорелась, она, брошенная в треножник, тут же гасла.

Видя это, Нань Ши снова потащил Го Синсяня к алтарю.

— Иди и кайся на коленях как следует. Я сам зажгу.

— ...Я же уже поклонился, этого мало? — прошептал Го Синсянь.

— Добрые слова говорить умеешь?

— ...Умею. — Го Синсянь встал на колени и забормотал что-то себе под нос. Нань Ши подождал, пока тот закончит, взял серебряный слиток и чиркнул зажигалкой.

Щёлк.

Загорелось.

Пламя мгновенно взметнулось вверх, а когда он бросил деньги в треножник, оно с гулом охватило всё его пространство, словно масло, плеснувшее в огонь. Нань Ши с облегчением вздохнул — к счастью, он не ошибся, характер у бессмертного и впрямь был добрый.

Когда ритуальные деньги догорели, Нань Ши дал знак Го Синсяню, что можно вставать.

Они ещё раз поклонились дереву и пошли к выходу.

— Слушай, это правда, что деньги загорелись только после того, как я извинился? — шёпотом спросил Го Синсянь. — Как-то это всё... слишком уж...

— У твоего крёстного хороший характер, — сказал Нань Ши. — Впредь относись к нему с уважением.

Переступив порог, Нань Ши почему-то почувствовал внезапное желание обернуться. Он посмотрел на абрикосовое дерево во дворе и увидел под ним стройного красавца в красных одеждах. Тот задумчиво смотрел им вслед, а заметив взгляд Нань Ши, лениво улыбнулся.

Мамочки, вылитый призрак в красном.

Нань Ши вздрогнул, выдавил из себя неловкую, но вежливую улыбку и отвернулся, догоняя Го Синсяня.

— Ты на что там смотрел? — спросил тот.

— Да так, ни на что, — ответил Нань Ши. «Не говорить же мне, что я твоего крёстного видел?»

Когда главное дело было сделано, Го Синсянь заметно расслабился. Он отвёл Нань Ши к соседям, чтобы вернуть скутеры. У ворот они увидели двух мужчин, вешавших белые фонари.

— Ты же говорил, у соседей свадьба? — удивился Нань Ши.

— Да, говорили, что свадьба... — Го Синсянь тоже был в недоумении.

Хозяин дома, увидев Го Синсяня, отложил дела и подошёл к ним.

— Сянь-эр, ты приехал вернуть скутеры?

— Спасибо, дядя... — Го Синсянь немного помедлил и всё же спросил: — Вы же говорили, у вас радостное событие, а почему...

— Ох, это долгая история... — мужчина оглянулся и, убедившись, что никто не слышит, понизил голос: — Умер мой шурин. Он давно болел. Его семья нашла ему невесту, тоже покойницу, чтобы в загробном мире им было не так одиноко. Вот и справляем два дела разом. Я тебе скажу, невесту эту... — он замаялся, — ...её, похоже, купили. Не знаю, где уж они её нашли... Но это дело их семьи, я не лезу. Ты только никому не говори!

— Понял, дядя, вы занимайтесь своими делами! — поспешно кивнул Го Синсянь и, вытащив две тысячи юаней, протянул ему: — Пожалуйста, присматривайте за домом, проветривайте, как договаривались. Мы с другом скоро уезжаем...

— Конечно, конечно! Не вопрос!

Нань Ши стоял в стороне и смотрел на лицо этого мужчины.

На нём была печать смерти.

Его взгляд скользнул дальше, мимо Го Синсяня, на мужчину на стремянке, который вешал фонари, и на женщину, вышедшую из дома с подносом пампушек.

На них на всех была печать смерти.

<http://bllate.org/book/13704/1585051>